

УДК 008

О. П. Неретин

КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Рассматривается культурологический подход и дискурс как форма анализа и прогностической оценки современной социальной реальности.

Ключевые слова: культурологический дискурс, культура как образ жизни, модели развития российского общества.

O. P. Neretin

CULTURE AND SOCIAL REALITY

The article reviews the culturological approach and discourse as a form of analysis and prognostic assessment of contemporary social reality.

Keywords: culturological discourse, culture as a lifestyle, models of development of the Russian society.

Существуют авторы, которые пессимистически оценивают современные образы социальной и культурной реальности в отечественной науке. Они считают, что отечественные теоретики отстают от потребности социальных преобразований и сами преобразования происходят стихийно. Отечественные социологические, политологические, экономические разработки не обладают адекватными способами концептуализации социальной реальности. Отсутствует соответствующий язык описания, а создаваемые проекты имеют скорее статус прожектов. Образы же-

лаемого будущего имеют политтехнологический характер и плохо учитывают имеющиеся объективные предпосылки. Концептуальный аппарат заимствуется из западных учебников и не соответствует сложившейся в России социальной и прочей стратификации.

С. Кордонский категорически заявляет: «Мое глубокое убеждение состоит в том, что основной посыл реформаторства – то, что для реформатора не имеет значения реальное состояние объекта реформирования. Его интересует только то состояние, к которому объект придет в результате реформи-

рования. Отсутствие интереса к реальности было характерно для всех поколений реформаторов, начиная с 1980-х годов до сегодняшнего времени. Сегодняшняя методология реформы правительства, с моей точки зрения, обусловлена отсутствием интереса к тому, как реально функционирует система управления государством, и стремлением преобразовать эту систему, привести ее к некоторому идеальному виду... Мы страну не знаем и, видимо, знать не хотим. Мы четко уверены в том, какая страна должна быть, мы не фиксируем те ограничения, которые задает сама реальность» [1].

В связи с этим, С. Кордонский дает некоторые характеристики отечественной социальной реальности, не совпадающие с наукообразными ее картинами. Он считает, например, что сувереном и основным социальным фактором в нашей стране остается государство. История страны также демонстрирует, что демократия не тот институт, который приживался в России. Поэтому странно ее ждать и прилагать усилия по ее устройству. Считается, что мы создаем рыночную экономику, при этом у С. Кордонского были многочисленные попытки показать, что у нас рынок есть, и гораздо более развитый, чем в других странах мира, имеется в виду административный рынок. На обычном рынке есть ограничения, т. е. некоторые услуги и товары, например, Родина, в продажу не поступают. Они являются культурной ценностью и не продаются. Отечественный рынок торгует практически всем: нет феномена или объекта, который нельзя продать в нашей стране. У нас фантастический по объему, по степени демократичности рынок, а мы еще пытаемся его строить. Нам говорят, что нужно строить гражданское общество. С его точки зрения, у нас очень мощное, развитое гражданское общество, наследованное еще с советских времен, потому что, не будь гражданского общества при Советской вла-

сти, мы бы не выжили. Но это гражданское общество с государством соотносится ортогонально, они пересекаются только в уголовном кодексе. То, что мы называем коррупцией, блатом, связями системы и всем прочим, это и есть институт российского гражданского общества. Когда мы боремся с коррупцией, то это борьба с собственным обществом. Принять то, что у нас такое общество, мы не можем [2].

Мы также согласны, что за «действительность» в отечественной традиции выдается ее идеологический легитимный образ, а реальный образ легитимен лишь в дискурсах обыденной, повседневной реальности, в маргинальных дискурсах, в дискурсах фантастических, утопических, антиутопических, филологических.

Альтернативные общепринятым характеристики социальной реальности существуют и у других исследователей. Так, согласно теоретическим моделям С. Глазычева, не существует в России ни городов, ни деревень, а есть совокупность разного рода слобод – это поселки при производствах, разросшиеся до размеров мегаполисов. Критический дискурс основан на пессимистической оценке возможностей отечественной социальной и гуманитарной науки. Допускаются отдельные позитивные результаты, которые, однако, не общепризнаны и не имеют широкого распространения.

С нашей точки зрения, как это ни парадоксально, но положительное значение «ситуации постмодерна» заключается в повышении роли культурологического дискурса для методологии социального и гуманитарного познания. Если в экономической теории человек может быть представлен как «товар» (товар – рабочая сила), «социальный капитал», в политической теории – как политический фактор, то с точки зрения используемой нами теории человек – это культурно-историческое существо – «личность».

Точно также мы будем рассматривать общество и социальный процесс. Если с позиции «экономизма» общество есть функция производства, с точки зрения технократизма общество и общественный прогресс есть функция техники, например, информационных процессов, с точки зрения психоанализа человек и общественные движения являются продуктом витально-сексуальной либидозной энергии, то, с точки зрения реализуемой нами культурологической концепции, общество есть функция культуры.

В первую очередь это будет обозначать, что личность и общество мы будем рассматривать как продукт реализации и функционирования культуры – культурных норм, ценностей и пр. Основными потребностями и заботами человека также будут представлены культурные потребности, интересы и цели деятельности. Соответственно, все основные проблемы и противоречия общественной системы по имени «Россия» будут трактоваться как генетически и функционально уходящие своими корнями в культуру.

Генетически современная Россия восходит к тем трансформациям, которые произошли в ходе деконструкции (перестройки) СССР. Россия обрела свой новый статус в результате трансформации советского культурного пространства в постсоветское и трансформации двуполусного мирового сообщества в многополусное.

С точки зрения избранного нами культурологического подхода произошедшая деконструкция была закономерным процессом. Любая деконструкция есть результат некоторых противоречий: в рассматриваемом нами аспекте современная Россия возникла в результате разрешения основного культурно-цивилизационного противоречия СССР – противоречия между сложившейся формой культуры и ее цивилизационными формами реализации. Идеологически советская куль-

тура опиралась на идею прогресса, гуманизма, всестороннего и гармонического развития личности. Цивилизационно эта форма культуры была облечена в рамки закрытого общества, автократические формы его организации, технологические и организационные формы, жестко соответствующие централизованному индустриальному обществу.

Потребности экономико-технологического характера на стадии перехода к информационному обществу требовали иной социальной и культурной организации. Однако существующие формы политической и идеологической культуры в своих авторитарно-бюрократических формах тормозили диверсификационные процессы. Поскольку СССР входил в число ведущих мировых держав, то противоречие существующей формы культуры и потребностей цивилизационного развития не заставило себя ждать, так как педалировалось международными, глобальными тенденциями. Диверсификация социокультурного пространства по имени «СССР» произошла через его переструктурирование – распад прежней формы социокультурных связей и конструирование новых форм социокультурных общностей.

Итак, основное противоречие – культуры и цивилизации – разрешилось путем создания новых социокультурных общностей. То, что такое противоречие характерно для продвинутых социумов этого периода, хорошо продемонстрировано разными исследователями, например, это хорошо показано в произведениях А. Тоффлера, Ф. Фукуямы и др. [3]. Так, Ф. Фукуяма пишет: «В течение второй половины XX века в США – так же, как и в других экономически развитых странах – постепенно был осуществлен переход к тому, что получило название “информационное общество”, “век информации” или “постиндустриальная эра”». Футуролог Элвин Тоффлер дал этому переходу

название «Третья волна», полагая, что в конечном итоге она будет так же логична и последовательна, как и две предыдущие волны в человеческой истории: переход от охоты и собирательства к земледелию, и далее – переход от земледелия к промышленному производству.

Этот переход состоит из ряда связанных друг с другом элементов. В экономике производство как источник богатства все в большей степени заменяется сферой обслуживания. Типичный работник информационного общества занят не в сталелитейном цехе или на автомобильной фабрике, а в банке, в фирме программного обеспечения, в ресторане, университете или в агентстве социального обслуживания. Роль информации и интеллекта, воплощенных как в людях, так и во все более умных машинах, становится всеобъемлющей, а умственный труд все в большей степени заменяет труд физический. Производство глобализируется по мере того, как недорогие информационные технологии делают все более легким распространение информации через национальные границы, а средства быстрой связи – телевидение, радио, факс и электронная почта – размывают границы устойчиво существовавших в течение долгого времени культурных сообществ. Иерархии всех видов, и политические, и корпоративные, подвергаются давлению и начинают распадаться. Власть больших, негибких бюрократических образований, которые стремились посредством правил, предписаний и принуждения контролировать все и вся в пределах своей сферы влияния, была подорвана переходом к экономике, основанной на знании; это способствует росту самостоятельности индивида, обретаемой благодаря доступу к информации [4].

По мере эволюционного развития локальных цивилизаций происходят различные системно-структурные видоизменения устой-

чивых алгоритмов, при сохранении культурного ядра «матрицы». Так процесс всемирной глобализации связывает между собой локальные цивилизации все более тесными узлами в культуре, информации, политике. Перед ними встает перспектива интеграции в мировое «информационное» сообщество. Развитие локальных обществ в современную эпоху обеспечивается равноценным многообразием алгоритмов «матрицы» цивилизации. При подобном рассмотрении динамики локальных цивилизаций попытки на практике развиваться, опираясь на «монофактор», бесперспективны. К тому же, если он понимается как экономический фактор, то это понимание ограничивает в целом систему социокультурных, коммуникативно-информационных, технологических, ценностных, этнопсихологических, политико-правовых, этико-религиозных, эстетико-художественных социокодов.

В то же время, как это ни парадоксально, но при всех сложностях, которые переживает Россия, наступление информационного общества может облегчить процесс устроения российской цивилизации. Постиндустриальное общество в своем развитии использует культурное разнообразие. Оно может пользоваться сохранившимися элементами архаичных культур, включая всё многообразие, которое дают российская гетерогенность и многонациональность. Возможность соединения многообразия и тех неорганических накоплений, которые мы имеем, с информационными технологиями, механизмами, культурными установками дает России шанс на успешный выход из возникших сложностей. Информационная цивилизация порождает структуры диверсифицированного, сетевого общества [5], которые в определенных условиях могут быть полезными для модернизации российского социума. Кроме того, направление самих трансформа-

ций как для авторитарно-социалистических, так и для империалистических социумов хорошо спрогнозировано в «теориях конвергенции», в теориях так называемого «единого индустриального общества» [6] и др.

Но коснулось ли произошедшее российской культуры? Можем ли мы сказать, что «перестройка» и есть результат кризиса самой советской культуры. Многие могут возразить, и такова безоговорочно позиция А. А. Проханова [7], отстаивающего мысли о том, что СССР – это страна самой передовой культуры – образования, науки, искусства и пр.

Конечно, многое зависит от того, как понимать вообще культуру. Иногда приводят факты, противоречащие рассматриваемым нами, что, мол, в эпоху социального и политического кризиса может наблюдаться расцвет поэзии, музыки, театра и пр. видов искусства, его новаторских форм. Наша позиция заключается в другом. Мы считаем, в рамках рассматриваемого нами подхода и принятых идеализаций, что кризис коснулся оснований самого общественного строя – его образа жизни. А культура и есть та форма, которая задает и организует образ жизни людей. «Культура» при этом понимается как образ жизни, механизм адаптации членов этноса к внешней реальности и адаптации реальности к потребностям этноса.

Современная среда очень изменчива и подвижна, а генетические возможности приспособляемости человека почти исчерпаны. Поэтому для комфортного, благополучного существования человека необходимо тесное динамическое единство человека и окружающих условий существования. В связи с этим встаёт проблема образа жизни. Образ жизни человека – это вся совокупность способов жизнедеятельности, способов существования человека в рамках некоторых природно и социально лимитирующих факторов.

Качество жизни – это мера взаимодействия между социумом (этносом) и лёгкостью или затруднённой удовлетворения потребностей. Качество жизни чаще всего определяют по степени удовлетворения основных материальных потребностей людей. В более широком плане – качество жизни есть мера благополучного существования человека при данных условиях. При этом, человеку и человечеству свойственно в целом стремление к неограниченному росту потребностей. Качество жизни обеспечивается динамическим равновесием индивида со средой, совпадением жизненных стереотипов и возможностей их реализации. Нижний предел обеспечения потребностей тоже очевиден. Этим критерием является ухудшение здоровья и гибель индивида. Снижение качества жизни – это рост стрессирующих факторов и ухудшение показателей здоровья. Рост смертности, заболеваний, сокращение продолжительности жизни есть свидетельство того, что лимитирующие рамки среды очень сузились. При этом, кризис адаптационного механизма есть не частный показатель, а показатель кризиса этнической культуры социума. Он может быть частью сложного, системного кризиса в обществе. «Вызов» (А. Тойнби) всегда является результатом кризиса образа жизни. Он может иметь различную природу – внешнюю и внутреннюю, экономическую, экологическую, геополитическую, военную, политическую и др.

Сущность современного российского кризиса можно обозначить как антропологический кризис. Одно из главных его проявлений – это кризис семьи, повлиявший и на отрицательный прирост населения. Это не просто демографическое эхо войны или результат перехода к более высокому уровню жизни. С нашей точки зрения, это является кризисом образа жизни, приведшего к распаду семейных ценностей, росту

индивидуализма, эгоизма, потребительства. Пагубной причиной и показателем деградации образа жизни и деформации продуктивных жизненных ценностей является высокий уровень преступности. Высокий уровень преступности может послужить причиной того, что обычно законопослушные и придерживающиеся норм члены общества начинают испытывать недоверие к другим и потому менее охотно взаимодействуют с ними на самых различных уровнях.

Некоторые авторы, например В. Н. Орлов и О. И. Карпухин, еще в 1990 году писали об отчуждении культуры в условиях государственного социализма в СССР [8]. В конце 1989 года журнал «Социологические исследования» организовал в Ленинграде круглый стол редакции на тему «Отчуждение при социализме». Обсуждались экономические, социальные, политические, психологические аспекты проблемы. Особое внимание было уделено фактам проявления отчуждения в молодежной среде. Речь шла в традиционном ключе – от «отчуждения в сфере труда» к «отчуждению в сфере досуга», от анализа «массовидных» форм отчуждения к «личностному» их измерению. В. Н. Орлов и О. И. Карпухин считают, что культурологический аспект проблемы выпал из поля зрения ее участников.

В своей статье они предложили подход к проблеме не от отчуждения труда к отчуждению в культуре, а напротив, от «отчужденной» культуры к «отчужденному» труду. Тем самым был предложен нетрадиционный подход к ее решению, который предполагает строить анализ, исходя, прежде всего, из фактов культуры в контексте актуальной тогда темы «культура и перестройка». Ученые размышляли, как правило, об экономико-политических сторонах перестройки, а вот о ее культурных, нравственных и эстетических аспектах больше умалчивали.

Перевод проблемы «культура и перестройка» в ракурс «культура и отчуждение» в условиях государственного социализма в СССР как раз и есть характеристика состояния Вызова. Это нашло выражение в отчуждении культуры от труда: культура стала существовать как бы сама по себе и для себя, а работники материального производства постепенно стали относиться к культуре безразлично, как к чуждому, далеко не всегда понятному для них явлению. В 1920–30-е годы был создан барьер, созданный культурно-просветительскими учреждениями, которые превратили творческую деятельность в «культурно-просветительскую работу», призванную повышать уровень духовного «обслуживания» населения, т. е. заполнять досуг культурными поделками, называемыми результатами «народного творчества». Произошла дифференциация, точнее – «элитизация»: для одних по-прежнему были доступны театры, концерты, для других – клуб на долгие годы стал единственным «очагом культуры», если учесть, что он «культурно» обслуживал преимущественно тех, кто постоянно проживал в общежитиях, т. е. в анти-социальных и антикультурных условиях.

Отчуждение выразилось и в появлении и бурном развитии «альтернативной» культуры, существующей помимо и вне государственных и профсоюзных учреждений. Примером тому может служить рост авторской песни, студий, рок-ансамблей и т. п. Укрепление административно-командной, бюрократической системы привело в определенной степени к стагнации культуры, ее застою, увеличению произведений так называемого соц-, а может быть, «сюр»-реалистического искусства, предназначенного для воспроизводства механизмов тоталитарного этатизма. Понятно, что у населения со вкусами эрзацкультуры нет потребности в высоком

художественном дизайне бытовой техники, транспорта и пр. С другой стороны, недаром отечественные дизайнеры десятилетиями не имели стимула к разработке высокохудожественных качеств бытовой и пр. техники. Можно согласиться с Орловым и Карпухиным, что отчуждение культуры от человека выражается, прежде всего, в том, что она фактически перестала оказывать эффективное воздействие на духовное, нравственное развитие личности, а личность перестала испытывать потребность в культуре, в обладании ее ценностями. Как свидетельствуют данные отраслевой социологической службы Министерства культуры РСФСР, десятая часть взрослого населения краевых и областных центров полностью или почти полностью оказывалась вне сферы деятельности и влияния учреждений культуры и искусства и обходится без них [9].

Современный антропологический кризис есть в терминологии культурно-исторических типов очередной Вызов, не справившись с которым, социум по имени «Россия» исчезнет. Подчеркиваем, речь идет не просто о задачах экономической или технологической модернизации, как это иногда представляют некоторые авторы, сводя все к проблеме технологических инноваций [10].

Советский тоталитаризм и авторитаризм был политической, организационной и идеологической формой мобилизационной культуры, которая способствовала переходу России (СССР) на индустриальную стадию экономики. Однако, как и всякая мобилизационная форма, она может действовать лишь ограниченное время и не может являться формой «нормальной жизни». Нормализация может происходить за счет создания соответствующих культурно-институциональных норм и ценностей – соответствующих форм трудовой, правовой, нравственной, полити-

ческой, эстетической культуры. Не завершив этот процесс, Россия (СССР) оказалась втянутой в глобализационную трансформацию.

С начала 70-х до начала 90-х годов по Латинской Америке, Европе, Азии и по бывшему коммунистическому миру прокатилась волна возникновения новых демократических режимов. Она стала дальнейшей манифестацией либеральных эгоистических ценностей. Однако в таких странах, как Россия, «великий разрыв», с нашей точки зрения, сопряжен еще с рядом обстоятельств. К ним относятся а) кризисность российского социума; б) крайняя неравномерность экономического развития регионов и отраслей, центра и периферии; в) низкое качество (уровень) социального капитала; г) значительные деформации социализации; д) высокий уровень социального неравенства и отчуждения; е) неравномерность условий существования – жизни и быта.

Современный тип организации российского социума и тип личности утратил способность к инновациям, пассионарным толчкам, революционным взрывам. Социальная энергия не имеет преимущественной реализации в область социальных, экономических, культурных самореализаций индивида. Ответ на Вызов, в очередной раз с 1960 года не найден. Попытка перестройки и ускорения 1985 года оказалась неудачной. Физическое вымирание доминирующего этноса на геополитическом пространстве России есть свидетельство отсутствия Выхода. Обращение к традиционным религиям пока лишь консервирует ситуацию, но не дает Ответа на Вызов.

Сложность положения России в том, что она сама находится с 1990 года в состоянии кризиса. Экономический и социальный уклад, сформировавшийся в течение 1990-х годов, совмещает в себе самые раз-

личные и, казалось бы, несовместимые «фрагменты» [11]: технологически передовой постиндустриализм и квазирынки, возродившуюся архаику и натуральный обмен, криминальную экономику, подневольный труд, индустриализацию, постиндустриализацию и деиндустриализацию. Такое экономическое и технологическое разнообразие создает ниши для социализации личности как в позитивном, так и в самом негативном направлении. В развитых странах 70 % прироста ВВП происходит за счет наукоемкого производства. Доля России на мировом рынке хайтека – около 1 %. Бюджет всей российской науки составляет 2 млрд дол., а в Китае – 28 млрд дол. Россия регистрирует в 10 раз меньше патентов, чем Япония, в 6 раз меньше патентов, чем США, в 2 раза меньше, чем маленькая Корея. Из этих немногих изобретений у нас внедряется только 0,5 %. Результативность науки вычисляется как сальдо экспорта-импорта технологий. У России этот показатель «-361», у США – «+24 844» [12]. Если к этому добавить, что в России в 2003 году исследованиями и разработками было занято 858 470 человек, а в США около 5 млн, то сложно думать о мировых приоритетах. Профессор В. И. Тарушкин отмечает: «Сегодня мировой рынок новых прорывных технологий и научной продукции – самый привлекательный и прибыльный. Ежегодный оборот на таком рынке составляет почти 3 трлн дол., что в несколько раз превышает оборот всех сырьевых ресурсов, включая нефть. И вот из такого “пирога” США получает 39 %, Япония – 30, Германия – 16, а доля России составляет лишь 0,3 %». И далее: «В ведущих странах доля науки, образования, прогрессивных и наукоемких технологий, т. е. составляющих научно-технического прогресса в валовом внутреннем продукте достигает 95 %, а в России не превышает 5–10 %» [13].

Мы хотели бы это прокомментировать так, что в технологически продвинутых странах гуманитарная составляющая прогресса, основанная собственно на достижениях познания и культуры – образования и науки – доминирует, а ведущими формами производства являются человекоцентричные, ориентированные на человека.

Одна из особенностей современного социального порядка России заключается в том, что социальный разрыв, возникающий под влиянием экономико-технологических изменений, обусловлен не внутренней, а внешней инновационной волной. Человеческий капитал современной России во многом не подготовлен для потребностей информационной цивилизации. Другими словами, по определенным причинам та форма культуры (и образа жизни), которая доминировала в стране, не соответствует передовым образцам культуры супериндустриального и информационного общества.

Элементарным примером является современная автомобилизация. С удовольствием пересаживаясь в «Тойоты» и «Фольксвагены», россияне, в лице своих топ-менеджеров, оказались элементарно не способными перенять зарубежный опыт упорядочивания дорожного движения и обеспечения нормальных парковок. Кроме того, процессы вестернизации, обуржуазивания ценностей и коммерциализации отношений обострили их переоценку небывало, фактически выявили несостоятельность мифов соборности, духовности, особой души. Общий низкий уровень социального капитала (читай «культуры») в стране обнаруживается то тут, то там в самых разных формах. Можно сказать, что уровень, характер и состояние культуры личности, востребованной видами и уровнем деятельности супериндустриального и информационного общества, остаются

ся нетипичными для российского общества. И напротив, типичными остаются неумение создать продукты высочайшего дизайнерского (читай культурного) уровня, например, в области автомобилестроения; безобразная производственная и технологическая культура, примерами чего могут быть Чернобыльская авария и авария на Саяно-Шушенской ГЭС, теплоходе «Булгария» и др.; низкая степень обыденной, повседневной культуры и др. Попытка заменить мораль законом оказывается никчемной, так как отсутствие нравственной подосновы права делает невозможным саморегуляцию социального капитала, а право все ситуации предусмотреть не в состоянии.

Тупиковый характер современного образа жизни (читай «культуры») и сопутствующей ему социализации показывает современная демографическая ситуация. Социологи и демографы давно уже говорят о депопуляции: чтобы страна не вымирала, каждая российская семья должна рожать 2,8 детей. А у нас этот показатель равен 1,8 (ср.: в Африке – 5 детей в среднем на женщину). При этом, только 6,6 % семей с тремя и более детьми, и если к ним добавить 28 % с двумя детьми, получается, что только одна треть российских семей выполняет репродуктивную функцию [14].

Балашов Л. Е. полагает, что болевая точка современной цивилизации и ее конфликта с культурой в том, что не удастся соединение двух важнейших факторов жизни: нормального воспроизводства населения и развития цивилизации. Мы уже говорили о конфликте культуры и цивилизации, который в условиях современной России проявляется в самых разных формах. Низкая рождаемость, вымирание в нашем случае являются результатом разрушения традиционной культуры и нецивилизованности. Под нецивилизованностью

мы понимаем низкий уровень культуры, потребной для постиндустриального общества, а также то, что современное российское общество в числе ведущих приоритетов имеет не семью и ребенка, а обогащение, наслаждение. И напротив, мы видим, что социумы типа современного индийского или китайского сохраняют как высокую рождаемость на основе культу семьи, так и потенциал прорыва в информационное общество. При этом, бесспорен такой факт, как ухудшение благосостояния российской семьи в результате рождения ребенка, труд родителей по-настоящему не оценен обществом [15]. Поэтому мы считаем, что можно говорить об антропологическом кризисе как современной цивилизации, так и России. Однако сказанное не означает, что проблема народонаселения не будет решена в России. Явно, что она будет решаться за счет миграции, как это делается в старой Европе. При этом очевидно изменение физического и культурного антропологического облика российского человека в ближайшем столетии (десятилетиях).

Сохранит ли Россия свою целостность при этом? Это, опять-таки, вопрос культурологический – вопрос о культурной идентичности населения на геополитическом пространстве по имени «Россия». Эта болевая точка отечественной культуры тесно связана с проблемами социализации и ассимиляции мигрантских общностей.

В современных условиях происходит прагматизация и коммерциализация системы образования – ориентация почти исключительно на подготовку специалистов-профессионалов. При этом упускается из виду то, что отечественное образование осуществляет не только профессиональную, но и гражданскую социализацию, в том числе отвечающую за российскую идентичность [16]. Для России понятие «образование» включает

традиционно единство школы, как таковой, фундаментальной науки, как неотъемлемой основы для подготовки специалистов, и гуманитарной культуры, как основы духовного единства народов, населяющих Россию.

Непонимание роли и значения гуманитарного образования и гуманитарной сферы – культуры – составляет важнейшую трагедию современного этапа. Многие представители российского общества, это касается в первую очередь элиты, не понимают, что развитие гражданского, нормального социума невозможно без развития гуманитарной сферы (читай культуры). Не религия, не политика, а весь комплекс гуманитарного знания в целом – человековедения – является средством создания той среды, которая и образует ценности цивилизационного феномена (читай «духовной культуры») по имени «Россия». Получить долговременные положительные результаты для страны можно лишь через формирование «нового» образа жизни, через развитие бытовой, производственной, профессиональной, политической и пр. культуры.

Основные прогностические модели с культурологической точки зрения таковы [17]:

Первая – это победа культурного консерватизма и попытка стабилизации страны на основе ее особого пути. Это продлевает существование на 50–100 лет.

Вторая модель – прямое подчинение глобализационным тенденциям и превращение в мировую культурную провинцию.

Третья – интеграция в мировое сообщество на равных правах через приоритетное развитие достижений информационной и отечественной культуры.

К сожалению, развитие пока идет в рамках первого и второго вариантов.

Таким образом, существуют различные варианты прогнозных моделей для будущего России. Основной позитивный выход находится в рамках не сырьевой и даже не экономической, а в рамках культурологической модели не догоняющего, а альтернативного типа в условиях постиндустриальной цивилизации. Следует ориентироваться на модели социального управления, в которых нравственно-духовное измерение жизни людей и общества в целом стало бы приоритетным. Это невозможно сделать без повышения роли культуры, ибо именно она является способом смыслового, ценностного понимания действительности, качественной оценки и освоения гуманистических норм жизни, проявления сущностных сил личности, духовной энергии общества. Модель образа жизни на основе ценностей культуры представляет собой сферу социального конструирования и совершенствования современной социальной, политической и экономической реальности.

Литература

1. Кордонский С. Социальная реальность современной России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2004/05/11/kordon/>
2. Кордонский С. Социальная реальность современной России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2004/05/11/kordon/>
3. Бэлл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. – М., 1983; Bell D. The Social Framework of the Information Society. – Oxford, 1980; Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.; Masuda J. The Information Society as Post-Industrial Society. World Future Society. – 1981; Castells M. The Information Age:

- Economy, Society and Culture. – Vol. I–III. – Oxford: Blackwell Publishers, 1996–1998. Тоффлер О. Третья волна. – М.: Антология, 2002. – 453 с.; Фукуяма Ф. Великий разрыв / пер. с англ. под общ. ред. А. В. Александровой. – М: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004 и др.
4. Фукуяма Ф. Великий разрыв ... С. 12–13.
 5. Kastels M. Information Age: Economy, Society and Culture. – Vol. I–III. – Oxford: Blackwell Publishers, 1996–1998.
 6. Теории конвергенции Р. Арона, Д. Гэлбрэйта и др.
 7. См. например: программа «Особое мнение» на радио «Эхо Москвы»: «...советская культура – это была культура большого стиля. Как только рухнула советская культура, мы живем в атмосфере абсолютного бескультурья, бессмыслицы, невежества, в отсутствии крупных идей культурных, философских и научных». – Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/669729-echo/>
 8. Орлов В. Н., Карпучин О. И. Культура и отчуждение // Социологические исследования. – 1990. – № 8.
 9. Орлов и Карпучин так комментируют эти результаты: «Эти данные свидетельствуют о том, что у подавляющего большинства опрошенных отсутствует потребность в культуре. И дело не только в низком качестве ряда концертов, спектаклей, выставок, в их нравственной и эстетической убогости. Дело еще и в том, что у большинства населения низкий уровень культурного, духовного развития» // Участие населения краевых и областных центров РСФСР в культурной жизни (некоторые итоги социологического исследования). – М., 1987. – С. 81.
 10. См.: Гриценко В. П. Кризис социального порядка в связи с технологической революцией и экономическим кризисом. Материалы круглого стола на тему «Взаимоотношение личности и общества в условиях социально-экономической нестабильности» // Общество и право. – 2009. – № 5(27).
 11. См.: Покровский Н. Е. Транзит российских ценностей: нереализованная альтернатива, анатомия, глобализация // Глобализация и постсоветское общество / ред. А. Согомонов и С. Кухтерин. – М.: Стони, 2001.
 12. Лесков С. Академия на медленном огне // Изв. – 2006. – 29 июня.
 13. Тарушкин В. И. Интеллектуальный потенциал России. Нужна национальная стратегия создания конкурентоспособной научной продукции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.center.ru/riasite/index.phtml?page=1&tbl=tb_88&id=992/
 14. См.: <http://vip.subscribe.ru/person/390>
 15. См.: Балашов Л. Е. Человечеству грозит гибель от депопуляции, если... (арабески мысли, отрывки из книг, рукописей). – М., 2009. – (Издание автора).
 16. См: Садовничий В. А. Выступление ректора Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова на Всероссийском совещании заведующих кафедрами гуманитарных и социально-экономических дисциплин. – М.: МГУ, 2003. – 20–21 нояб. – С. 9.
 17. Разлогов К. Э. Государственная политика в сфере культуры // Культура России: Информационно-аналитический сборник 2010 года. – М., 2010. – С. 36–37.